

✦ о чем шепчутся женщины

50+

Хельга Мидлтон

Признай
себя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хельга Мидлтон

Признай себя

<https://litres.ru/70363975>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Краснопольская - 50-летняя серая мышь. Замужем, бездетна. Трудные отношения с матерью и сестрой, неудачный бизнес, ревность и боязнь потерять мужа все это выросло в набор комплексов и бытовой алкоголизм.

От последнего помогла избавиться йога.

Вера освоила профессию консультант-диетолог. Однажды знакомая приглашает ее на обслуживание группы женщин, организовавших пятидневный курс персонального тренинга.

Вечерами после медитаций женщины собираются в гостиной, где рассказывают страшилки. Цель сеансов: выстроить каналы-связи со вселенной выпустить в нее свои страхи.

5 вечеров, 5 рассказов о том, как страхи и фобии (арахнофобия, графомания, kleptomania, полигамия и прочие) уродуют и калечат судьбы людей. Принимая участие в посиделках у камина, Вера глубоко переживает истории других женщин и в то же время избавляется от своих "тараканов".

Она возвращается домой. Любящий муж ждет ее.

Она понимает, что ее Вселенная это Он и Она.

Из серии "О чем шепчутся женщины" 50+

Хельга Мидлтон

Признай себя

ПРИЗНАЙ СЕБЯ

Хельга Мидлтон

Вместо пролога

Или как Вера пришла в йогу

Мама умерла восемь лет назад, а Вера до сих пор просыпалась, захлебнувшись криком, и хваталась за левую щеку. Щека горела, обида душила, сжимая горло. От удушья широко распахивались глаза, и противные липкие слезы вытекали из их уголков, медленно сползали вдоль висков за уши, оставляя на подушке темные пятна. Вера откидывала одеяло и тихо, стараясь не разбудить мужа, выскальзывала из постели чтобы стряхнуть с себя остатки дурного сна. В ванной комнате ей из зеркала зло ухмылялась всклокоченная рожа с горячей пятерней на щеке – рука у мамы была тяжелая, а воспоминания о ней еще тяжелее. Не все воспоминания были плохими. Память цепко держала звуки и запахи поезда, уносящего их с мамой в Анапу. Позже к ним туда приехал отец, но это отдельное воспоминание. Мама купила ей в дорогу набор цветных карандашей и альбом с картинками для раскраски. Ехали в купейном вагоне, где в комплект входила лесенка-стремянка, с помощью которой пассажиры верх-

них полок взбирались на них. Вера сидела на верхней узкой площадке стремянки, плотно придвинутая к столику у окна в проходе между нижними диванчиками. Мама выходила на остановках и возвращалась то с клубникой, то с кульком черешни или горячей вареной картошкой и кругом домашней колбасы. Мама была светла, в легком ситцевом платье без рукавов и пахла паровозным дымом и полынью, а бедная Вера до смерти боялась, что мама останется на платформе и поезд уедет без нее, и потому просила покупать только у торговков напротив их вагона, а еще лучше – прямо напротив окна их купе, и не так важно, что они продают, главное, чтобы маму видно было.

В другом воспоминании мама сидела у круглого стола в середине их большой комнаты. Над столом висела люстра с тремя рожками, но выключатель работал так, что можно было зажечь либо одну лампочку, либо все три, и это было очень неудобно: от одной света почти не было, а все три светили слишком ярко, будто гости должны прийти. Мама столько раз говорила папе купить и вернуть все три лампочки меньшей мощности, в ответ слышала одно и то же – мол, когда он идет с работы, все магазины уже закрыты, сама купи. Она не знала, какие надо, и знать не хотела, справедливо считая, что не женское это дело. Женское – это чтоб еда в доме была и чтоб чисто. И еще чтоб дети сытые, здоровые и хорошо воспитанные.

В тот вечер мама собирала Веру в пионерский лагерь и

пришивала метки «Вера Москаленко» на все ее трусики, маечки, платья и полотенца. Дело это ей явно было не по душе, и она, не поднимая головы, вдруг сказала: «Если на трусах обнаружишь следы крови, не пугайся. Это значит, что ты уже взрослая девушка. Сходи в медпункт, попроси ваты и подкладывай. Дня через два-три кровь пройдет, а трусы теперь лишний раз без нужды не снимай», – и как начала, не поднимая головы, так и закончила урок санпросвета. Вера испугалась, но не решилась задать лишних вопросов – и так было видно, что тема для мамы неприятная. Вера не любила вид крови, а уж на трусах – страшно подумать, и зачем их снимать без нужды, она тоже не поняла, но позже, в лагере, девчонки, которые уже стали «взрослыми девушками», ей все объяснили.

По мордасам же Вера заработала, будучи уже вполне взрослой, как ей казалось в двадцать три года, когда на последнем курсе института после сдачи весенней сессии уехали к кому-то из ребят на дачу, и там случилась страшная гроза, и свет отключился. Идти на станцию темным лесом было очень страшно. Порешили, что, наверное, и электрички без электричества не ходят, и со спокойной совестью продолжили веселье при свечах. Вернулась домой на следующий день. За все приходится расплачиваться: и за отсутствие телефона и электричества, и за страх быть убитой в лесу. Вера прямо на пороге получила ту самую оплеуху и поток всевозможных прогнозов на ближайшие годы Вериной никчемной жизни.

Разнообразием прогнозы не блистали: принесешь в подоле – из дома выгоню, сделаешь аборт – на всю жизнь бездетной останешься, если дальше так пойдет – закончишь свои дни в борделе или на панели. Одним словом, как говорила бабушка, «куда ни кинь – кругом гниль» – без вариантов. Единственная надежда – поскорее выскочить замуж, и не важно за кого, главное – от материнской опеки избавиться.

Верина судьба оказалась к ней благосклонна. Ни аборта, ни «в подоле» в тот раз не случилось. Да и не Дева Мария наша Вера. В отсутствие любовных утех и даже простого флирта у современных девушек беременности не случаются. Обида на мать за такое постыдное наказание застряла в мозгу острой занозой, и Вера поклялась отомстить. Месть не заставила себя ждать и состояла в том, что, окончив такой ненавистный, такой опостылевший факультет биологии МГУ, Вера положила перед матерью диплом микробиолога и торжественно, даже пафосно объявила, что сидеть до пенсии в лаборатории у микроскопа не собирается. Озвучив свой принципиальный отказ от такой «престижной» карьеры, Вера ощутила невероятное чувство свободы и, сказав себе: «Сейчас или никогда», тем же вечером уехала в Питер. Питер обаял просторами, белыми ночами, фонтанами и фонарями. Санкт-Петербург даже названием своим казался таким нерусским, таким западным, что она решила в нем остаться навсегда.

Дерзкое желание чего-то совсем не микробиологическо-

го, а, наоборот, осязаемого, имеющего вкус и запах, привело ее в школу поваров. Обучившись не всем, но многим премудростям кулинарного искусства, Вера вышла из училища с сертификатом шеф-гардманжé. Название должности звучит гораздо более шикарно, чем обязанности, в которые входили в основном холодные закуски – салаты и овощные гарниры. Но и тут судьба снова улыбнулась Вере, и вскоре она чистила и крошила плоды сельхозпродукции на огромной кухне роскошного парома, совершающего регулярные рейсы Санкт-Петербург – Хельсинки – Стокгольм и обратно. Плавучий отель стал ей домом на несколько лет. В этом тесном мирке на каждом уровне кипела своя жизнь. Матросы и механики, обслуживающие паром, жили в полувоенном режиме. Персонал, обслуживающий и матросов, и пассажиров, – гражданские, но с ограниченной свободой, как полагается для ходивших в «загранку». Работу и первых, и вторых, как и прибыль компании-судовладельца, оплачивали пассажиры – белая кость.

На Веру сразу же, что называется, положили глаз старший машинист – начальник моторов и двигателей и старший стюард – начальник горничных, официантов и барменов. Вера отдала свое сердце стюарду. Он был коренным ленинградцем, с бабушкой, пережившей блокаду. От него приятно пахло одеколоном из паромного дьюти-фри, а от механика ничем не пахло, и родом он был из Архангельска, но не Ломоносов. В довесок к Вериному выбору, как двадцать пять

граммов к стограммовому кусочку блокадного хлебushка, у стюарда оказалось красивое имя – Эдуард Краснопольский. А старшего машиниста звали Олег, и фамилия какая-то птичья: не то Воронов, не то Синицын.

Роман протекал в постоянной близости друг от друга и от работы. Ни тебе разлук, ни ожиданий, и пара разумно рассудила поплавать еще годик-другой и заработать денег на собственное дело. В их планах было открыть небольшой ресторанчик где-нибудь на Петроградской, недалеко от дома Эдика – там в красивых бывших доходных домах в первых этажах почти не осталось квартир, все были отданы магазинам, салонам красоты и кафе-ресторанам.

Все у Веры с Эдиком шло гладко и по плану, когда в размеренный ход накопительства и построений планов втесался один нежелательный момент. Вера, будучи ответственным человеком и как-никак биологом, внимательно следила за циклом и не позволяла Эдику в «благоприятные для зачатия дни» любить ее без презервативов. Но... Где-то, как-то одинокий сперм-ковбой проскакал, просочился и все-таки внедрился в готовую для осеменения яйцеклетку. Молодые по-житейски поплакали, но по-современному рассудили и решили пока подождать с младенчиком, жить согласно плану. В срок, подходящий для прерывания беременности, Вера сделала аборт в хорошей клинике и по всем правилам. Но что-то пошло не так, и пророчество матери, как ведьмовское заклятие, сбылось: как ни пытались Вера и Эдик увеличить

состав своей семьи, больше такой случай не подвернулся.

*

Говорят: любовь правит миром. Вера, по натуре – добрая душа, не могла не согласиться с этим постулатом, но в ее личном мире, ей казалось, правит не столько любовь, сколько чувство обиды и желание отомстить матери. Как часто бывает, далеко не смотрим. Причину бед ищем, где ближе, и Вера не исключение – винила мать за все. И за строгость ее и «недолюбовь», и за то, что накликала на дочь беду бесплодия, и за все прочие Верины промахи и неудачи. Месть стала тем факелом, что освещал теперь дорогу во взрослую жизнь.

Именно желание отомстить, сделать матери больно заставило Веру бросить родной дом. Переехать в другой город и резко сменить профессию. Свадьба без приглашения родственников и смена фамилии с ненавистной и примитивной Москаленко на красивую и благородную Краснопольская – все это, как казалось Вере, сделало из нее нового человека. Вера даже гордилась тем, что таким образом она окончательно порвала с прошлым. Отец, правда, обиделся, но, зная о непростых отношениях Веры с матерью, все понял и, бывало, тайком от жены приезжал повидаться с дочерью. Вера радовалась его приездам почти так же, как тогда, в далеком детстве, когда он приехал в отпуск к ним с мамой в Анапу.

*

Необходимость врать и придумывать поводы для поездок вскоре отпала сама собой. Мама умерла. И тут-то на Веру

обрушилось всем своим весом чувство вины. Она начала копаться в прошлых обидах и винить себя за все. За то, что, уже будучи взрослой и, в общем-то, опытной женщиной, не нашла, да и не искала повода для сближения с матерью. Не додала ей ни тепла, ни любви. А ведь мать тоже была женщиной, ведь ей, наверное, хотелось того же. Стало стыдно за то, что не виделась столько лет. Душила совесть за то, что, когда мать уже лежала больная и обессиленная, не то что оплеуху не могла отвесить, а тот пресловутый стакан воды не могла в руке удержать, Вера не приезжала. И ненавидела себя за то, что последний раз увидела уже не мать, а то, что чертова болезнь оставила лежать в гробу: чужую, высушенную и выбеленную до неузнаваемости тетку. И вот теперь, когда, как в песне поется, «жизнь невозможно повернуть назад и время ни на миг...», Вере стало по-настоящему худо.

Как водится, на помощь пришла лучшая подруга всех слабых и сомневающихся – Мадам Бутылка. Чета Краснопольских все-таки открыла ресторан, и даже с красивым названием «Красное поле». «Поле» стал на какое-то время популярен не только среди соседей, но и по городу пошли слухи об изысканности краснопольской кухни. Вера относилась к популярности со всей ответственностью, и, будучи шеф-поваром, она искала новые рецепты, неожиданные сочетания продуктов и форм подачи блюд. Постепенно стала экспериментировать и практиковать рецепты с добавлением вина. Но творчество требует вдохновения, и как-то незаметно бу-

тылка около плиты становилась пустой задолго до того момента, когда вино должно было добавляться к готовящемуся блюду. Зато было очевидно, что в результате недолива в один сосуд и явного перелива в другой настроение у Веры улучшалось, спала она гораздо крепче и кошмары ей, не снились. Правда, просыпалась с трудом и вся разбитая, но списывала это на усталость и тяжесть кухонного климата.

Так продолжалось до тех пор, пока Вера не обнаружила, что единственным лекарством от утреннего недомогания является бутылка пива. Когда на смену пиву пришла рюмка водки, уже и мужу стало очевидно – Вере пора лечиться.

И ведь все как всегда – беда не ходит в одиночку. Дела в ресторане шли ни шатко, ни валко, скорее по наклонной. Муж и жена оказались хорошей семьей, хоть и без детей, но не самыми успешными бизнесменами. В «Поле» приходило много знакомых, приводили друзей, приносили свою выпивку, еду заказывали по минимуму. При заполнении очередной налоговой декларации выяснилось, что у них вот уже полгода не только прибыли никакой, но долги по коммуналке набежали, и следующую зарплату сотрудникам платить тоже нечем. Решение закрыть «богадельню» было принято быстро и единогласно. Оба устали.

*

Ответ на классический вопрос российской интеллигенции «Что делать?» пришел как-то сам собой. Эдик воспринял бизнес-фиаско как месседж свыше, как подсказку, что

заниматься надо тем, к чему лежит душа, и тогда освобожденная карма сама привлечет и деньги, и благосостояние.

Вера и не знала, что до работы на пароме Эдик поступал на журфак Ленинградского университета, но не прошел по конкурсу. С тех пор многое изменилось, и жизнь подтвердила, что учиться на журналиста так же глупо, как на артиста, писателя или художника. Лучшие из них были самоучками – ты или умеешь писать так, что тебя читают, смотрят, слушают, или не умеешь и никогда не научишься.

Эдик взялся за перо и камеру, начал уходить из дома рано утром, пока свет мягкий, тени длинные и народу мало, и приходить поздно вечером. Вера млела и не могла поверить, что такие прекрасные фотографии сделаны ее мужем. В ее собственных глазах она была ничем – тихой пьяницей, недостойной его. Она вдруг страшно испугалась потерять мужа. Ведь теперь, когда они не были объединены ни замкнутым пространством парома, ни общим делом, рестораном, теперь у него столько простора – иди куда хочешь. Испугалась и... стремительно протрезвела.

*

Недалеко от их дома на полукруглой, опоясанной красивыми домами с эркерами, витыми балконами и глубокими арками площади Льва Толстого был большой книжный магазин. Вера даже растерялась, увидев такой размах. Десятки отделов и тысячи книг. Вера просидела в отделе «Здоровье» почти весь день. Стопка книг по йоге росла возле ее стула,

как сталагмит, и, когда он вырос выше этого стула, Вере стало ясно, что одним походом в магазин не обойтись. Она купила несколько, не поняла в них ровным счетом ничего, кроме того, что йога – это полная смена образа жизни и образа мысли, но прежде всего это тренировка души, а уже потом физкультура тела.

Лечить душу она начала голоданием в сочетании с тремя литрами воды в день и долгими изнуряющими прогулками в любую погоду до Троицкого моста и обратно: мимо Петропавловской крепости, мимо киностудии «Ленфильм» и назад к дому на улице Ординарной.

Когда Эдик в первый раз вел Веру домой от метро «Петроградская», ее страшно развеселило такое название. Позже, когда улица стала ей домом, она с удовольствием отметила, что улица была далеко не ординарна, а наоборот: с милыми домами, с двумя маленькими парками – в начале и в конце. В парках сидели приветливые старички и старушки, грелись и тихо радовались свету долгого летнего дня.

Квартира хоть и была коммунальной, как и большинство питерских квартир, но все-таки не такая «густонаселенная», как квартира на Таганке. В той квартире Вера родилась и прожила почти пятнадцать лет. Счастьем матери не было предела, когда отцу как начальнику отдела наконец-то выделили малогабаритную «двушку» в районе Щукино.

Мать, правда, еще пару раз сходила в райисполком и пыталась оспорить ордер, доказывая право семьи из четырех на

«трешку», но опытная заведующая отделом распределения жилплощади была, наверное, по совместительству еще и поборницей демографии. Она резонно объяснила, что, во-первых, «трешку» надо еще год ждать, а во-вторых, из тесной квартиры взрослые дочери скорее замуж выйдут и съедут, а родители заживут себе свободно и припеваючи. Тем более что Серебряный Бор – рукой подать. Про Серебряный Бор – это уже перебор был, лирическое отступление, но в целом – да. Лес, пляж, рыбалка – почти убедила. Аргументы были приняты. Новостройка хоть и находилась у черта на рогах, и девчонки спали в проходной комнате, а на кухне всем за стол было не сесть, все равно – свое.

Тут нам пора упомянуть Верину сестру, которая вроде бы и была, а в то же время вроде бы и нет.

Наташка – на пять лет старше Веры. И внешне, и характером пошла в мать. Высокая, жесткая и прямая. Как фигурой, так и нравом. Играла в школе в баскетбол и умела постоять не только за команду, но и за себя лично. Она легко водила мяч и увертывалась от атак противника – и с таким же мастерством парировала материнские выпады. Главным образом тем, что игнорировала их. Иногда в запале могла и так отшить, что даже мать тушевалась, поджимала губу, а вечером жаловалась отцу и между делом «для порядку» пинала Веру. Вот эти пинки, как Вера их называла, «за того парня» – за сестру, были самыми обидными.

Предсказания чиновницы сбылись быстрее, чем кто-ли-

бо мог подумать. Наташка в июне окончила школу, а осенью уже сыграли скромную, но настоящую свадьбу. Ее сердце было отдано молодому и перспективному тренеру команды-соперницы из Сочи. Встреча на олимпиаде юниоров закончилась для Наташиной команды поражением, а для нее самой – выигрышем. Тренер оказался высоким, статным и не оправдал маминых подозрений. Не матросил и не бросил, а честно через несколько месяцев любовной переписки и еженедельных междугородних звонков явился в их и без того узко-низкую квартиру (два баскетболиста – явный перебор), да еще с букетом цветов размером с кухню... Тренер честно попросил руки старшей дочери и получил согласие с благословением. Мать для порядка еще поворчала, что, мол, как говорят китайцы, «растить дочь – все равно что поливать чужой огород», но внутренне была довольна. Сбагрили до позора. Почему-то она очень боялась общественного мнения по поводу морали своих дочерей.

*

В квартире на Ординарной у Эдика было две комнаты, вернее, в оригинале одна, но разгороженная и почему-то с колонной посередине – видимо, еще раз разгороженная бывшая бальная зала. Остальную часть залы занимали две старожилки, подруги его бабушки. Одной при выгородке достался камин, а у другой угол комнаты был срезан голландской изразцовой печью во всю высоту стены – без малого четыре метра тепла, но ее никто не топил. Старушки с радостью

приняли Веру в «семью», всячески её опекали и просвещали. Одна из них рассказала историю о том, что имя свое улица получила от слова «ординар» – граница уровня воды в Неве, превышение которой означало наводнение. После чего Вера взяла на вооружение это выражение и стала обозначать им степень возможных неприятностей по шкале 1—5. Открытие ресторана обозначалось как три выше ординара, отношения с покойной матерью – пять выше ординара.

Голодание, чистая вода и холодный воздух естественным образом привели к вегетарианству. Вера похудела, построилась и нашла клуб любителей йоги. И, как было обещано в тех замечательных книгах, аура вокруг телесной оболочки очистилась, выпрямилась, и к Вере потянулись нади – те невидимые небесные провода, по которым побежала космическая энергия и наполнила ее тело и душу уверенностью и покоем. Это состояние было еще далеко от нирваны, но вероятность затопления снизилась до отметки в один ординар. Примерно так она объясняла себе и другим те чудеса и метаморфозы, которые с ними произошли буквально в течение следующего года.

*

В то время, пока Вера очищалась и выстраивала каналы-связи со Вселенной, Эдику удалось найти работу в журнале «Вестник путешественника», головной офис которого находился в Москве. Вера не могла поверить в такое счастье. Вслед за Чеховым беспрестанно повторяла: «В Моск-

ву, в Москву...» Жаль было расставаться с Петроградской стороной – прижилась она там, но дом есть дом, и в Москву хотелось несказанно. Поближе к уже стареющему папе, к старым школьно-университетским подругам. В узкие, закопченные и такие теплые после широких, прямых и жестоко продуваемых питерских проспектов улочки и переулки старой Москвы.

Переезд в Москву и частые командировки Эдика как фоторепортера в разные экзотические страны пробудили в Вере новые интересы. Скоро, удовлетворив тоску по старым подругам, повидавшись со всеми, узнав все новости и подробности их жизней, она обнаружила, что, вообще-то, у каждого жизнь своя, что лишнего времени ни у кого нет и общение с близкими людьми, по которому Вера так тосковала в Питере, на самом деле – настоящая роскошь и выпадает крохами.

Вместе с тем пришло понимание того, что никто не заполнит твой внутренний вакуум, что надо самой себя наполнять. С таким же энтузиазмом и самоотдачей, с какими в свое время она взялась за самообучение йоге, Вера, имея за спиной образование микробиолога и шеф-повара, без труда, освоила еще одну профессию с красивым названием – консультант-диетолог. Что-что, а учиться она любила. Закончив курс, Вера с головой ушла в изучение кухонь народов мира, в основном стран Востока. И к каждой очередной поездке мужа у нее был готов список трав, семян и специй.

С этим списком бедный Эдик, как правило в последний

день пребывания в стране, бегал по местным базарам, скупая заморские приправы. Она даже начала составлять свою собственную книгу рецептов – «Пища для Свадхистаны». Основной секрет ублажения Свадхистаны заключался в усилении вкуса самых простых ингредиентов различными приправами.

Если кто-то думает, что все это так легко и просто, то он глубоко заблуждается. И йога, и медитации, и приготовление блюд, их описание и фотографии – на все это уходит масса времени. Это хуже, чем работа. Там от звонка до звонка с девяти до пяти пять дней в неделю, а здесь весь день и без выходных. Вера иногда даже ночью вставала, если какая-то идея забредала во сне. Смешивала, пробовала, записывала.

И все бы хорошо, да разве ж судьбе-злодейке живется спокойно, когда у человека все хорошо? Только Вера, что называется, нашла себя, только быт налаживаться стал, как у отца случился инсульт. Пока он в больнице лежал, Вера туда каждый день ездила. Возила полные сумки. Термосы с чаями и отварами, судки с блюдами, способствующими восстановлению энергии и улучшению кровотока. Даже мази делала сама и сама же смазывала отцовские пролежни. Выхаживала как могла. Выходила. И тут встал вопрос: куда забирать? В квартире в Шукино его одного не оставишь. К себе тоже не забереешь. Ванная переоборудована под фотолабораторию Эдика, спальня отдана под Верины закрома и эксперименты, не на кухне же раскладушку ставить. Все-таки йога хоть и

влияла на Веру хорошо, но ее философия просветления и стремления к высшим мирам как-то не совпадала с реальностью. Реальность все время хромала, не держала шаг и норовила выйти из строя.

Вера написала Наташе в Сочи. У сестры теперь семья, дети. Ну и что, что у сестер голос крови помалкивает себе в тряпочку, но отец-то ведь родной. У Наташки к семье еще и свой дом с садиком прилагались.

Сестра ответила сухо и категорично. Мол, у нее муж, дети, ответственная работа – все учатся, работают, домой приходят только ночевать, на папу у нее времени нету. И еще что-то обидное про то, что, когда мать умирала, Вера бороздила просторы Балтийского моря в роскоши и благополучии. Вот уж упоминание «роскоши и благополучия» – это был явный перебор. Из этой фразы, как горох из дырявого мешка, сыпались злоба и зависть.

Вера сглотнула обиду и затаила ее. Переехала в ненавистную малогабаритку к отцу. Четыре долгих года жила с ним, приезжая через день к мужу на Вернадского – тоже, знаете ли, не ближний свет, считай, через весь город. Уставала не столько от дороги, сколько от волнений – как там отец, пока ее нет, и как там муж, пока ее опять же нет. В часовых переездах пыталась читать, но сосредоточиться не могла. Дурацкая фантазия рисовала картины уже холодного тела отца, почему-то обязательно лежащего на полу посередине кухни. Из-за тесноты она, Вера, не может в нее войти. Стоит в две-

рях и не знает, что делать. Холод страха сковывал грудь, и слезы застилали страницу книги. Тогда она пыталась медитировать, но усталое подсознание вместо радужных картин благолепия природы присылало картины каких-то пышнотельных женщин, долгой цепочкой стоящих у двери их с Эдиком квартиры в очереди скрасить его одиночество.

Страхи, подозрения и обида на сестру буквально выжигали душу Веры. Но все имеет свой конец. Отец умер. И не на полу кухни, а в своей постели. Вера вошла к нему, как всегда по утрам, в руке стакан теплой воды с лимоном и имбирем, а он уже холодный.

Наташа прилетела на похороны одна. Ни мужа, ни внуков проститься с дедом не сочла нужным привезти. Даже и не побывала в Москве толком. Похоронили, помянули, и улетела назад. Только и сказала, что кутья у Веры получилась вкусной и что через полгода, когда наследство надо будет делить, она с Верой свяжется.

Какая гадина. Только Верина жизнь в свое русло входить стала, и страхи поутихли, а тут на тебе. Вера от обиды даже выпила рюмку водки за упокой души отца. Потянулась за второй, которая должна была успокоить ее, Верину душу, но на локоть тяжело легла рука Эдика, и она поставила рюмку на место.

Двадцать лет спустя
День 1

Вера вышла из лифта. Огляделась. Хороший у них был подъезд, чистый, светлый: широкий вестибюль с двумя окнами, новая метлахская плитка – матовая на полу и глянцевая до середины стены. Вдоль одного окна на сэкономленные от капремонта деньги построили из стеклопакетов выгородку для дворника-консьержа. Туда даже поместились узкий топчанчик, стул и телевизор на тумбочке в ногах топчана. На ночь, когда консьерж спал, серебристые жалюзи одним поворотом прозрачных палочек закрывали окна загончика, как в америкаских фильмах про полицейских. У них там такие же отделяют кабинеты начальников от остального люда. Создают приватность.

Никто в доме не мог запомнить трудное для русского уха таджикское имя, и все звали обитателя каморки просто Мишей. Он был всем: и дворником, и сторожем,

и курьером-носильщиком. Соседка Светка с четвертого этажа даже умудрялась ему под присмотр оставлять свою собачку Ньюшу. Ньюша очень не любила оставаться дома одна и выла, как по покойнику, а у Миши она тихо лежала в ногах и смотрела вместе с ним телевизор.

На подоконнике другого окна, рядом с «дворницкой», стояла пара горшков с комнатными растениями, которые заботливый Миша поливал без устали, отчего цветы через месяц-другой умирали захлебнувшись. Жильцы дома выноси-

ли в вестибюль новые горшки, но и они вскоре становились жертвами Мишиной ирригации.

Еще на том же подоконнике соседи часто оставляли ненужные старые вещи или книги. Сегодня кто-то выложил стопку журналов STORY пятилетней давности, и Вера прихватила парочку, пожалев, что видит их по дороге из дому, а не наоборот: на обратном пути уже все расхватывают. Пока возилась возле «книжного развала», Миша выпрыгнул из своей каморки, услужливо подхватил увесистую на металлической раме с двумя колесами сумку-самокатку и легко сбегал пять ступенек до входной двери. Открыл ее перед Верой, выкатил наружу.

– Ехать куда собрались. Сумка тяжелая будет, – Миша, как бы разговаривал сам с собой, вслух озвучивая события и свое понимание их – ведь обычно старушки из дома выходят с легкими сумками, а возвращаются с тяжелыми, и Мишина забота, наоборот, поднимать их к лифту.

– Да, вот. Еду на семинар по йоге на дачу к одной из наших дамочек.

– Дача – это хорошо. Дача – это воздух, – Миша согласно закивал.

– Ой, Миша, а когда твоя жена приедет?

– Женя? Скоро должен приехать? Зачем спрашиваешь?

– Миша, а попроси ее привезти мне еще той приправы. Зира называется, и сушеного барбариса тоже. Не забудешь?

Хотя она знает. Она мне в прошлый раз их привозила.

– Ну, раз знает – привезет.

На том и разошлись. Вера, улыбаясь остатку разговора и приятной свежести летнего утра, с удовольствием покатила новую сумку к метро. Сумка была и впрямь красива: в каких-то психоделических разводах серого, сиреневого и розового цветов – подарок Эдика на день рождения. Главное – сумка была из ИКЕА, почти невесомой, и колеса не застревают в мелких трещинах асфальта, а как-то инерционно пролетали над ними. С глубокими Вера еще не экспериментировала, объезжала их, жалея обновку.

Она прошла уже полпути, когда первые тяжелые капли летнего дождя упали на пыльный асфальт дорожки, свернувшись в светло-бежевые бусины. Вера остановилась, порылась в сумке и с досадой обнаружила, что вот зонтик-то она и не взяла. «Ладно, не сахарная, не растаю», – сказала она себе. Поглубже убрала журналы, чтобы не помялись, и прибавила шагу. Метро было рядом, и ехать удобно, без пересадок по прямой до трех вокзалов.

Ирочка, подруга детства и когда-то соседка по старой московской коммуналке, а теперь тоже активный практик йога-терапии, уже ждала у табло расписания пригородных поездов Ярославского вокзала.

– Давай, Вера, давай. Я уже все проверила: наша уходит через двадцать минут, а еще билеты брать и через эти чертовы турникеты проходить. Терпеть их не могу – работают

через один и через раз, а нам еще в головной вагон, вдоль всего перрона чапать.

Подруги приложились щечками, слегка отодвинулись, быстрым натренированным взглядом рассматривая наряды друг друга.

– Симпатичная курточка, – отметила Вера джинсовую длинную рубаху подруги.

– А, да так – обноски с барского плеча. Невестка отдала. Ей маловата, а мне в самый раз. Ты тоже неплохо выглядишь. Ну, пойдем, пойдем. Нам два часа с лишним ехать, в дороге все новости обговорим. Как в электричку сядем, надо будет Полине Львовне позвонить. Она пришлет за нами водителя, Анна и Виктория уже приехали. Все в сборе – нас ждут. Ты уже продумала, чем нас кормить будешь?

Дамы из их йога-сообщества подобные встречи устраивали регулярно два-три раза в год. Целей у этих встреч было две. Первая возвышенная, более тонкое познание секретов йоги и техники медитации, а вторая – банальная тусовка. К сожалению, принять участие могли далеко не все – мероприятие было не из дешевых. Собиралась небольшая команда, человек шесть-восемь. Иногда снимали маленькую гостиницу или охотничий домик в лесном хозяйстве, иногда собирались у кого-то из членов группы на даче. Встречи эти назывались красивым словом «семинар», и ведущим обязательно приглашали кого-нибудь из «звезд», настоящих тренеров-проводников, прошедших практики у еще более про-

двинутых учителей (из тех, которые ездили в Индию, практиковались в специальных йога-центрах). Бывали и те, что обучались даже в школах при буддийских храмах. Заполучить одного из таких «знатоков» стоило немалых усилий и больших денег. У Веры таких денег не было, но ее звали как специалиста-диетолога, и она с удовольствием «обслуживала» семинары по бартерной системе: она им еду, а они ей место в классе. Тем более, что обслуживание было минимальным – травяные чаи пять раз в день, а дальше чистое творчество: зерна пророщенной пшеницы, фруктовые салаты по цветам радуги с редкими у нас семенами чиа или кунжута. Рулеты на пару и экзотические супы на миндальном или кокосовом молоке.

✱

– Похоже, что дождь меня догоняет. Он начинался, когда я выходила, а теперь уже здесь вот-вот польет, – заметила Вера.

– Тем более. Давай поторапливаться. Там над платформой есть навес, а уезжать в дождь, как известно, хорошая примета.

До отхода поезда оставалось еще минут десять, а народ уже толпился вдоль всей платформы. До конца платформы навес не доходил, и пассажиры, нацеленные на первые три вагона, толпились у края крыши. Сразу можно было отличить постоянных от случайных. «Постоянные» были заняты

своими делами: смотрели в смартфоны, кто-то по старинке читал журнал или даже книгу, но главное – они стояли группами на определенном расстоянии друг от друга. В то же время «случайные» нервно проверяли часы, номер платформы, прохаживались и курили, невзирая на таблички с угрозой крупного штрафа. К моменту прибытия поезда группы «постоянных» оказались ровно напротив дверей. Поезд выпустил приехавших на противоположную платформу, закрыл двери и затих. «Случайные» заволновались, а «постоянные» снисходительно их успокаивали. За две или три минуты до отхода двери с легким шипением, как бы говоря: «Здрас-с-с-те», раздвинулись. Народ шумно заполнял вагоны, а те, кому надо было в головные вагоны, дружно ринулись, подгоняемые дождем и желанием заполучить сидячее место.

Вера, будучи новичком, конечно же, замешкалась с переносом своей супер-сумки через щель между вагоном и платформой. Кто-то навалился ей на плечи, толкнул. Вера споткнулась и об сумку, и об ступеньку, чуть не упала, с ужасом представляя себе, как будет сейчас затоптана дюжиной ног, но, слава богу, обошлось. Крепкая мужская рука подхватила Веру вместе с сумкой, поставила обеих на ноги-колеса. Незлобивый, но и без симпатии мужской голос проворчал: «Чертовы старухи! Не сидится им дома. Обязательно в час пик надо ехать...» Вера и обидеться не успела – она себя старухой еще не считала, но парень уже растворился в толпе, и

огрызаться было не на кого.

*

Ирочка тоже слегка замешкалась, и места у окон во втором ряду от входа уже были заняты. По ходу поезда сидел молодой человек: в ушах маленькие белые затычки наушников, а в руках толстая книга, похожая на учебник. Напротив него, прислонившись к стенке и натянув на глаза когда-то белую льняную кепочку, пристроился мужичок средних лет. На вид работяга.

«Наверное, работает в Москве и с ночной смены к себе в область отсыпаться едет», – решила Вера. Тем временем Ира «захватила» место на лавке «студента», как его мысленно окрестила Вера, но не вплотную, а у прохода. Поставила на среднее место между ним и собой свой маленький чемоданчик и стала махать Вере, указывая жестами: «Тут, тут для тебя занято». Вера протолкалась и тяжело опустилась на припасенное для нее место.

– Господи, прям абордаж, а не посадка в вагоны. И почему надо двери открывать за минуту до отправления? – выдохнула она, не ожидая ответа.

– А чтоб народ злее был, – охотно откликнулась женщина, сидящая напротив, рядом с «работягой», – чтоб жизнь комфортной не казалась.

Она тоже поставила свою сумку на свободное место между мужчиной и собой, явно приберегая его для кого-то.

Отдышавшись, Вера устроилась поудобнее, но дурацкая

фраза парня, который обозвал ее старухой, не шла из головы. Пятьдесят три – разве это возраст. Вера даже гордилась своей худощавой и стройной фигурой с прямой спиной. Но с лица, надо признаться, молодость сошла. Закон гравитации тронул подбородок и углы губ. Волосы никогда не были яркими, а теперь и подавно потускнели. Косметикой Вера даже в молодые годы не злоупотребляла. Совсем в молодые – мама ругалась, в средние – на горячей кухне пот и так глаза заливает, куда уж там тушь и румяна наводить. В последние годы... Как-то ни стимула, ни необходимости не было. И все-таки до «старухи» ей еще далеко. Настроение резко испортилось. Ирина почувствовала это и игриво толкнула подругу в бок:

– Старуха, ты чего? Ушиблась, что ли?

– И ты туда же! Какая я тебе «старуха»! – сердито огрызнулась Вера. – Вон тот, – она кивнула в спину парня, – тоже меня в старухи записал.

– Ой! Нашла на кого внимание обращать. У них все, кто за тридцать, уже старик. Ничего, не отчаивайся. Он и глазом не моргнет, как сам стариком станет. Вот, – она достала из кармана зеркальце и тюбик губной помады, – добавь красок пейзажу.

Вера безропотно, но едва нажимая поводила розовой помадой по губам. Отдала тюбик подруге и обеими руками проверила волосы. Пучочек на макушке слегка съехал набок. Вера привычным движением поставила его на место. Под-

толкнула шпильку.

*

Поезд замедлил бег и остановился, но двери не открывались, и пассажиры терпеливо ожидали на платформе, заглядывали в вагон, заранее присматривая свободные места. Сквозь сетку дождя Вера увидела яркое многокрасочное пятно и прежде чем она смогла его рассмотреть, улыбающееся лицо уже заглядывало к ним в окно из-под голубого зонта, и лапка в перчатке с оторочкой из перьев приветливо махала сидящей напротив Веры женщине. Та в ответ закивала, заулыбалась. Приподняла сумку, показывая свободное место. Двери открылись, и через минуту шлейф из когда-то модных, а теперь слишком терпких и для дождливого утра, и для электрички духов проплыл мимо пассажиров. Куча разноцветных бархатных и шелковых, приправленных люреком тряпок, как занавес, пала на скамью напротив Веры и Ирины.

– Здравсьте всем! – женщина широко улыбнулась.

Подруги, не скрывая любопытства, как-то по-детски, откровенно принялись рассматривать новую попутчицу.

Похоже, что женщина все же была их возраста. Правда, заметно стройнее и более гибкая. Ни возрастной сутулости, ни излишков тела в области талии и ниже.

«Наверное, бывшая балерина или манекенщица, – подумала Верочка, – такие до старости остаются прямыми, сухими и не очень красивыми».

Новая попутчица тем временем сложила мокрый зонт. Несколько капель упали Верочке на колени. Женщина снова улыбнулась, извинилась за «сырость». Откуда-то из глубины оборок выпорхнул полиэтиленовый пакет, в котором и исчез зонт. Женщина положила его у ног со словами «не забыть бы» и устроилась поудобнее, как бы предоставляя окружающим возможность рассмотреть себя.

А зрелище, надо признаться, было отменным: волосы выкрашены хной, собраны в какой-то невероятный валик времен Второй мировой войны и подвязаны сиренево-зелёным шарфом в стиле Айседоры Дункан. Бирюзовые тени век и румяна цвета «цикламен» подчеркнуто гармонировали с блеском шарфа. Ниже шел бархатный пиджачок оттенка уставшей розы. Цыганская юбка в пять оборок переливалась всеми цветами от темно-фиолетового до бирюзового. На руках – уже замеченные перчатки сиреневой фланели с розовой оборкой из пуха страуса. На ногах – сиреневые же чулки и зелёные сандалии гладиаторов с множеством ремешков до колен. Была еще и коровая сумка времён хиппи, и шаль, покрывающая плечи.

– Неудачно я сегодня оделась, – как бы извинилась дама, – сандалии не по погоде.

«Зато всё остальное в десятку», – ехидно подумала Вера и про себя окрестила новую попутчицу «Жар-птица».

В разговор вступила жаро-птицева приятельница.

– Что ж это вас вчера-то не было? Я вам место держала.

– Ох... – женщина, как бы спохватилась. С ее лица разом сползли и приветливость, и жизнерадостность. – У меня вчера ужасная трагедия случилась.

Вера и Ирочка подались вперед, а её соседка обернулась в пол-оборота, чтобы видеть лицо рассказчицы.

– У меня вчера всё, вот прям всё пропало. И дом, и налаженная жизнь... В моем-то возрасте всё сначала начинать...

Губы Жар-птицы изогнулись печальной дугой, в глазу блеснула слеза. Женщина гордо закинула голову назад, не давая ей скатиться и испортить макияж.

Тут случилась немая сцена, как в финале пьесы Гоголя «Ревизор». Все замерли.

Продолжение не заставило себя ждать:

– О, как вам рассказать... Если по порядку, то...

И рассказ потек, полился, заструился, заискрился.

– Я её труп не сразу-то обнаружила. Я, как было заведено, с утра выгуляла Бандита. Это мой пёсик джек-рассел-терьер. Он хоть и пожилой (мне подстать), но ещё, как и я сама, вполне шустрый.

Дамы одобрительно, как бы в поддержку слов о её молодости, закивали головами.

– Так вот, вернулась я в дом. Обтерла псу лапы. Хозяйка

моя уж такая чистюля, слов нет. Поднялась на второй этаж дачи, заглянула к ней в комнату, убедилась, что «барынька» ещё почивать изволют, и решила, что успею до завтрака сходить за кефиром в магазин у станции. Так, знаете ли, захотелось блинчиков на кефире. Бывают же у старых людей такие причуды – побаловать себя и подругу.

Дружба наша с Агаткой, теперь-то уже с покойной Агатой Матвеевной – Царствие ей небесное – передалась нам как бы в наследство. Наши бабушки еще в гимназию вместе ходили. И мамы дружили с детства, и по жизни шли вместе: рабфак, пединститут. На выпускном вечере весело танцевали с двумя друзьями, тоже выпускниками, только Военной Академии имени Фрунзе. За танцами, как полагается, последовали конфеты-букеты, поездка всех четырех в Гурзуф. Эту поездку обе пары и посчитали медовым месяцем. Как-то не в моде тогда были очереди в ЗАГС и шумные свадьбы. Да и время было тревожное, предвоенное. Говорят, перед войной больше мальчиков родится. Тут нате вам – две девчонки: Валюша, – В воздухе вновь метнулось розовое облачко страховых перьев, и фланелевый пальчик уткнулся в кружева на груди, – это я и Агаша, подруга моя, что называется, «с пелёнок». Война началась. Отцы наши отправились делать то, чему их родина учила, а мамы наши остались ждать вестей с фронтов. Дождались.

Моей вскорости пришла похоронка, а отец Агаты, боец-красавец, прошёл всю войну без единой царапины и за-

кончил её в Дрездене в чине генерал-майора. Вернувшись, возглавил один из отделов охраны Кремля.

Ну, как полагается, с назначением пришли и почести: дача, персональная машина с шофером, продуктовые пайки, но... как часто бывает, близость к власти ещё не гарантирует того, что черный день не настанет. Скорее наоборот. Я хоть и маленькой была, но хорошо помню их широкую прихожую, где на вешалке висела генеральская шинель, на полке над ней отдыхала каракулевая папаха с кокардой, а внизу, в тени вешалки, стоял готовым маленький чемоданчик. Это мы уж потом узнали, что там ожидали своего часа пара белья, чистые носки, кусок мыла и мешочек сухарей. Память – страшная штука. Тридцать седьмой ещё не забылся.

Однажды и до чемоданчика очередь дошла. Правда, тут Матвей Егорович опять проявил военный талант тактика и умер от инфаркта прямо в фургоне, который вез его на Лубянку.

Дамы скорбно, как полагается при упоминании смерти, закивали головами. Жар-птица же смотрела в окно чуть прищурившись, словно рассматривала там, в глубине подмосковного пейзажа, убранство квартиры в доме на Котельнической набережной.

– Квартиру отобрали, а дачу, как-то, не успели.

Пока то да сё, пока мать Агаты обивала пороги кабинетов бывших мужниных соратников и братьев по оружию, власть

сменилась. Дальнейшие репрессии против семей «изменников Родины» уже не применялись, и жизнь генеральши потекла в новом вдовьем русле, слившись в единый поток с ручейком подруги.

Новая власть, не спешила с извинениями, но оставила вдове не то врага народа, не то героя (это выяснилось уже потом) дачу и все трофейное имущество. Гордостью наследницы, Агаты Матвеевны, стала коллекция «кружевниц». Знаменитые дрезденские фарфоровые фигурки барышень и их кавалеров, утопающих в прозрачных, ажурных оборках юбок, плащей, жабо и воротников. Коллекция была действительно отменной. Еще тогда, в пятидесятые годы прошлого века, стоила состояние, а уж теперь и говорить не о чем – бесценна.

Агашка их в стеклянной консоли хранила. Мало того, что на ключ дверцу запирала, так еще и ключ этот прятала в отдельной шкатулке. Прямо как Кощей – игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, а шкатулка в ящике трюмо. О как!

Потом уже, когда дети, – а их у подруги моей аж четверо (от трех разных мужей, между прочим) – подросли и из гнезда выпорхнули, тогда только ключ в дверцу вернулся. Красивый такой, весь витой, и с длинной шелковой кистью.

Агата наша Матвеевна чистку статуэток никому не доверяла. Вынимала их одну за другой и, буквально, в прямом смысле этого слова, сдувала с них пылинки. После процедуры воздушного душа они возвращались за стекло в точном,

одной ей известном, порядке.

– Ой, – всплеснула руками Верочка, – помню, помню их. У моей тётушки тоже парочка красовалась в серванте за стеклом. То же самое. Нам, детям, даже подходить близко не разрешалось.

Рассказчица милостиво кивнула Верочке и продолжала.

– Судя по всему, Матвей Егорович не был знатоком ни живописи, ни антиквариата. Возможно, картины и столовое серебро хозяева сами прихватили во время бегства. Советскому воину досталось в качестве трофея то, что осталось – безделушки из гостиной в усадьбе барона фон Бреля в пригороде Дрездена и немного посуды: набор чашек в голубых розочках на ножках-рюмочках, с кучерявыми золотыми ручками и две фарфоровые фигурки. Не кружевные, но и не совсем обычные. Одна из них изображала молодую крестьянку в чепце и фартуке – лукавая мордашка и руки в боки, а другая – суровый моряк-рыбак в шляпе, поля которой ложились на плечи и закрывали полспины, с бородой лопатой и трубкой во рту. Обе фигурки имели дырочки в макушках и маленькие пробочки в донышках – веселая парочка: солонка и перечница.

Ну, вернулась я, значит, из магазина. Прошла садом, качнула стоящий у задней двери, той, что в кухню ведет, газовый баллон. Всё, как всегда. Ещё подумала: «Надо Игорю ска-

зять. Пусть новый закажет». Толкнула незапертую дверь, занесла сумку. Конечно же, одним кефиром дело не обошлось. Купила еще и свежий лимонный кекс, и пастилы. Всю жизнь себе в углеводах отказывала, а теперь уж чего там... На суде Всевышнего будут грехи считать, а не килограммы. Так ведь?

Дамы опять согласно закивали.

Напекла я уже средневысокую горку блинов и чай свежий заварила, когда вдруг спохватилась, что Агаша всё ещё не спустилась из своей спальни. Вышла, я, значит, в прихожую – она там большая, почти комната, только что без окон, но дверьми богатая. Вдоль стены, противоположной от входной – лестница в два пролета на второй этаж. Под ней небольшая кладовка. Остальные две стены занимали широкие двустворчатые двери. Одна в кухню, другая в гостиную – она же столовая. У входной двери у нас там узенький столик стоял, под которым на старом ватном одеяле проживал Бандит. Вроде как конура для него. Повернула я, значит, к лестнице-то, а там... Батюшки мои ... Лежит...

«Жар-птица» поднесла сиреневые ручки к розовым щёчкам. От этого движения все её кружева-оборки колыхнулись, заискрились, как перья большой птицы на ветру. От них в воздухе пошла рябь, и чувство ужаса от такой неожиданной картины смерти волной передалось к слушательницам. Ве-

рочка даже плечами передернула и воротник курточки поправила.

– И как? – одними губами пролепетала Ирочка.

– Как-как? А вот так. Головой вниз на полу прихожей, а ногами всё ещё на ступеньках. Палка, на которую она обычно опиралась при ходьбе, лежала поперек ступеней и конец её (тот, что с ручкой) как-то странно застрял между балясин перил.

Ну, ежу понятно, что из такой позы, да ещё и лужицы крови под виском, Агате, даже с моей помощью, до блинчиков уже не дойти.

Естественно, я оцепенела от ужаса, и в эту минуту открылась входная дверь, а за ней, во всей своей красе Игорь, наш старшенький.

– Это что за пейзаж после битвы? – спокойным тоном спросил он.

– Игорь, что ты такое говоришь! Какой пейзаж? И на что ты намекаешь словом «битва»? – возмутилась я.

– Валюша, не стоит так реагировать на мои слова. Просто маман как-то странно меня встречает – вниз головой. Вы что, тут йогой начали заниматься? – и ещё хохотнул как-то по-идиотски.

– Дурак ты! Не видишь, что ли?! Померла твоя «маман».

А он так спокойно:

– Полицию уже вызвала?

– Сам приехал, сам и вызывай, – огрызнулась я.

Они ж мне, как родные. Я с ними тоже иногда строга бываю.

А у самой, вот честно вам скажу, все поджилки затрясались, и сомнение закралось. С чего бы это он приехал? Это же в среду случилось, а он обычно если и приезжал, то по выходным. Я ему так и сказала, а он мне в ответ:

– У меня сегодня выходной выпал. Имею право маман навестить.

– И давно ты приехал? – а у самой подозрение, ну прямо как тесто в квашне, все выше и выше поднимается. Я ему и говорю:

– Ты что? Прямо с электрички или уже был здесь? Приехал, пока я в магазин ходила?

– Прямо с электрички.

«Странно дело – без вещей. Ни рюкзачка, ни сумки...» – подумала я, но вслух ничего не сказала.

А он:

– Сейчас еще и Петька с Пашкой приедут. Полинка сказала, что к ней сегодня женщина приходит убираться, и она не может квартиру без присмотра оставить. Так что мы втроем, но раз такое дело – он кивнул в сторону матери, – то я и ей позвоню. Пусть свою уборку отменяет.

Наконец-то он сделал скорбное лицо и добавил:

– Тут тоже есть что убирать. Мы, Валюша, – говорит, – хотели, – и так, знаете ли, театрально выкинул руку вперед и вниз, в сторону лежащего на полу тела, – ей сюрприз сделать.

А она, как всегда, нас на повороте обошла. Такой сюрприз – хоть стой, хоть падай.

– Тоже мне сюрприз! Знаем мы ваши сюрпризы! Опять, небось, какую-нибудь аферу затеваете, а денег нет. Вот и приехали из матери тянуть. Как не стыдно! Не можете уж подождать, пока наследство к вам перейдет!

– Так в том-то и дело, Валя, что маман наша – очень ненадежный партнер. Она же каждый раз, как ей кажется, что кто-то из нас ей нагрубил или что-то не то сказал, сразу нотариуса вызывает и завешание переписывает. Борис Исаакович вчера опять звонил. Говорит, у маман совсем крыша поехала. Он не может сказать, что она там внесла в последний вариант завешания, – это, видите ли, профессиональная тайна, – но намекнул, что нам надо бы как-то на неё повлиять. Иначе мы остаемся голы-босы. Вот, – он горестно взглянул себе под ноги, где лежала Агата Матвеевна, – повлияли.

Пока мы с Игорем разговаривали, пёс вылез из своей так называемой конуры. Высоко закинул голову и разинул пасть – прямо как человек, как будто хотел что-то сказать нам, солнышко мое ненаглядное, но вместо этого громко, опять же, по-человечески, чихнул. Обнюхал ноги Игоря, потом голову покойной и попытался лизнуть ей лицо.

– Фу, фу, дурак! – Набросилась я на него. Схватила пса в охапку и отнесла на кухню, закрыла за собой дверь. Уже оттуда крикнула Игорю. – Ты лучше в гостиную уйди и звони

в полицию оттуда. А то, пока они приедут, и вы все соберётесь, совсем следы затопчем.

Я, знаете ли, очень детективы люблю и всё про процедуру осмотра места и про дознавательные методы знаю. Особенно как не надо себя вести при обнаружении покойника в неподобающем месте.

Ну, не буду ваше внимание долго задерживать. Полиция приехала быстро. Они бы на настоящие преступления так же быстро приезжали!

– Да, у нас такой случай был, – вставила свое слово давняя попутчица, —соседку снизу ограбили, так полиция только через два часа удосужилась добраться.

– Не, на трупы-то они скорее являются, – заметила Ирочка.

– Да хватит тебе кудахтать, – одернула подругу Вера, – не про то сейчас разговор, – и, повернувшись к Жар-птице, – вы рассказывайте, рассказывайте. Как все раскрылось-то?

– Как как? К приезду детей: Полины - это младшая дочка Агаты, и средних близнецов Петьки и Павлуши, тело моей дорогой подруги было уже максимально обследовано, сфотографировано, упаковано в черный полиэтиленовый мешок и отправлено в морг. На полу и лестнице ещё копошились два следака, собирали какие-то соринки и снимали отпечат-

ки пальцев с перил. В основном картина была ясна: несчастный случай.

– Мадам, вы позволите? – «Студент» сложил свою книжку и стал продвигаться к проходу.

Все дамы как по команде поджали ноги. Вера задвинула сумку под лавку, а «Жар-птица» подобрала свои юбки, открыв ножку в оплетке ремешков, и не спеша убрала её из прохода.

– Это что? Уже Тарасовская? – Выглянула она в окно, – А... Дорогу будущему специалисту, выпускнику аж Московского Государственного Университета Сервиса. МГУС. О, как звучит! Учись хорошо, сынок! Вот времена наступили – теперь у нас, не хухры-мухры, а университеты обслугу готовят. То ли уровень обслуги до высшего образования доводят, то ли теперь любая шарашкина контора – университет.

Поезд остановился. Парень вышел. «Работяга» и не думал просыпаться.

– А вы, извините, куда едете? – спросила Ирина.

– Я? В Сергиев Посад. Заупокойную заказывать. Следствие-то закончилось. Завтра тело отдадут.

Все три дамы опять переглянулись.

– Вы уж не сочтите нас бестактными, но вы все-таки расскажите. Следствие установило отчего она умерла? – сказала-спросила Жаро-птицева подружка.

– А то вы нас заинтриговали, – добавила Ирочка.

– Ой, мне, почему-то, особенно фамилия следователя за-

помнилась. Женщина такая, уже немолодая, представилась старшим сержантом полиции, по фамилии Беленькая. А сама, смешно сказать, чёрная, как воронье крыло. Но меня не проведешь. Я, когда на неё сверху лестницы посмотрела – она впереди меня спускалась, – сразу седые корни волос заметила. Ну, это так, лирическое отступление к тому, что и в полиции женщины за собой следят.

– Ну, им положено. В мужском-то коллективе. Это тебе не одной-одинёшенькой на кухне колотиться. Перед кем приукрашиваться-то? Перед кастрюлями, что ли? – с горечью в голосе вставила свое слово ее давнишняя знакомая.

– Не перед кастрюлями, а перед зеркалом, – ответила ей Жар-птица и снова поправила шарф. – Уход на пенсию – это вам не смена пола, знаете ли.

Попутчицы снова согласно закивали.

– Так вот, эта самая следачка по фамилии Беленькая, а по виду черненькая, звалась еще и Галиной Петровной. К делу это правда не относится, но так, запомнилось.

Гэ Пэ и не скрывала, что картина ей была очевидно-понятная. Но порядок есть порядок.

Осмотрела пол в прихожей, лестницу, поднялась на второй этаж и, стоя на площадке, ведущей в коридор к спальням, позвала меня. По всему выходило, что я, вроде как, за главного свидетеля по делу прохожу.

– Какая из этих комнат спальня хозяйки?

Я с готовностью показала на первую справа дверь.

– Вы туда заходили после того как обнаружили труп? – строго так спросила Гэ Пэ.

Я честно отрицательно покачала головой. Зачем мне было туда заходить, если Агата уже внизу была, правда ведь?!

Мы обе зашли в комнату. Беленькая первой, я позади. И знаете, что странно, в тот момент стою я рядом с ней и вдруг вижу всё такое привычное, такое родное, совсем другими глазами.

Постель неприбранная, из-под края откинутого одеяла выглядывает горло грелки. На тумбочке – чашка, та самая, «трофейная», на тонкой ножке в голубых розочках и с витой золотой ручкой. Позолота-то за долгие годы почти истерлась. На донышке бурая жидкость. Рядом с чашкой нарядная жестянка из-под индийского чая. Следовательно, не трогая жестянку, карандашом приподняла крышку – пачка парацетамола, пачка таблеток сенны, капли для носа.

– А что? Покойница крепкого здоровья была? Ни сердечных, ни от давления ничего не принимала? У других в ее возрасте тумбочки рядом с кроватью лекарствами забиты, а у Агаты..., – она запнулась.

– Матвеевны, – подсказала я. – Нет, Агата ещё от давления две таблетки утром принимала. Они там, внизу в холодильнике. Я ей сколько раз говорила: принимай таблетки пока ещё в постели лежишь, чтобы давление стабилизировалось, пока не встала. Да куда там. Упрямая была. Не переубедишь. На всё свое мнение имела.

– Ну-ну, понятно, – чего уж там этой Беленькой-воронье-крыло понятно было – непонятно. А только вышла она из комнаты и сверху через перила как гаркнет:

– Гоша, тут еще чашечка с остатками чего-то. Поднимись, оформи изъятие и в лабораторию, да побыстрее.

– Господи! Вы никак, кого-то из нас подозреваете? – наконец-то, я набралась храбрости задать вопрос, который меня с самого первого момента мучил.

– Такая работа, – пробубнила себе под нос Гэ Пэ. Раз уж мы здесь, покажите-ка мне остальные комнаты.

– А чего их показывать. Вот, – я с готовностью пошла по коридору, открывая двери, – Агатиная комната – самая большая. Она, как бы родительская спальня. Здесь Игоря комната была. Вот эту мальчишки Петя и Павлуша делили. Она видите, с двумя окнами – тут у них кровати стояли. Теперь-то они редко вместе приезжают. А там в конце – угловая. Та Полинина была. Теперь я в ней живу.

– А вы, собственно, кем Агате Матвеевне будете?

Я немного растерялась, но быстр нашлась.

– Как вам сказать, – говорю, – чтоб официально – так никак, а по жизни – всем. Мы с ней с самого детства дружим. До войны наши родители дружили, после войны уже мы сами... Мне Господь бог детей не дал, так я ребятам как тётка была. У меня на глазах выросли. А теперь, когда Агата уже сдавать стала, они мне предложили сюда переехать, вроде как компаньонкой. Говорят, на Западе даже работа такая

есть. Оплачивается очень хорошо. Все равно дешевле, чем дом престарелых. Да и где его найдешь-то хороший дом престарелых? Одно слово – казёнщина.

– А что? Вам и зарплату положили?

Что скажешь: дознавательница, она и есть дознавательница. Везде надо свой нос сунуть. Я, честно вам скажу, замешкалась. А Беленькая увидела мое замешательство и дружелюбно так похлопала по руке.

– Не волнуйтесь: мы с налоговой не сотрудничаем. Ведь платят?

– Платят, но чисто символически. А пенсию я на «гробовые» откладываю. Меня ж хоронить некому будет. Вот, только Бандиту из пенсионных еду покупаю. Но он непривередливый – всё ест. Жизнь здесь у меня хорошая. На свежем воздухе и ни за коммуналку платить не надо, ни за продукты. На всем готовом, так сказать. Только еду приготовить, поговорить, присмотреть...

И тут, должна вам признаться, я расплакалась. Оно вон как получилось – не досмотрела...

Ну, пока я сопли мотала, следователь пропустила мои сантименты мимо ушей. Повернулась на каблуках, да и пошла назад к лестнице.

«Дети» сидели в гостиной вокруг большого круглого стола.

Едим мы там редко, так что он покрыт толстой гобелено-

вой скатертью с длинной бахромой. Полина в детстве вечно эту бахрому в косички заплетала за что получала от Агаты по рукам. И тут сидит и, как маленькая, опять плетет, плетет одну за другой. Игорь, как всегда, весь в телефоне. Все партнерам пишет. Ха! Его партнеры – курам на смех. Павел и Петр тихо переговариваются. Бандит, солнышко мое ясное, со свойственной всем собакам интуицией, понял, что сейчас не его момент. Плотнo забился в свою лежанку под столиком в прихожей и оттуда за всеми наблюдает. С недоверием так. Особенно за полицейскими. Вот, животное, а всё понимает – чужие в доме хозяйничают. Непорядок.

Встала я, значит, в дверях. Слезы отираю и смотрю на них, на наследников, как в первый раз, как со стороны. И картина, скажу я вам, открывалась мне грустная.

Тот случай, когда из количества не получилось качества. Вроде бы и не плохие, но какие-то неудачные.

Игорь с самого начала в бизнес подался, но бизнесмен из него (по словам его же матери), как из дерьма пуля. Двадцать лет барахтается, а на ноги так и не встал.

Пётр в мать пошел. Многолюб и многоженец. С одной разницей – у Агаты от браков прирастало (и не только детьми), а из Петеньки каждая последующая жена изымала последнее. Теперь, всё что у него есть – это комната в коммуналке, правда, малонаселенной, и неплохая зарплата, но из неё всё ещё приходится платить алименты младшему спиногрызу.

Пашка – барин. То густо, то пусто. То на ипподроме выиграет, то в карты проиграет.

Полина. Что Полина? Мужнина жена. Муж староват, жадноват и жену не балует. По три года в одном и том же пальто ходит, а шуба, так ей вообще уже лет десять. Её даже на хранение в ломбард в этом году не взяли.

Вот сидят эти «дети» кружочком.

Такие родные, такие знакомые лица. И вдруг у меня, как слезами, пелену с глаз смыло, и увидела я то, чего не видела до сих пор.

Агашины дети, эти ангелочки, над которыми я вечно проливала слезы умиления, купая и пеленая их, теперь уже сами обрюзгшие, полуплешивые, с седыми висками и сутулыми спинами – старые люди. Они, как и большинство стариков, к смерти относятся с равнодушием, с безразличием, что ли. Ни слезинки, ни скорбинки в их лицах. Спокойное ожидание.

Игорь краем глаза увидел входящую в комнату следовательницу, быстро положил телефон экраном вниз и попытался встать, но она, как учительница в классе, жестом его осадила.

– Господа, – сказала она, придвигая стул ближе к столу и доставая бланки допросов. У всех есть при себе документы?

Все дружно закивали головами.

– Прежде всего, должна вас спросить: посмотрите по сторонам, всё ли на местах, ничего не пропало?

Они, как по команде, обернулись к стеклянной витрине с «кружевницами». Фигурки вот уже почти семьдесят лет стояли в строгом порядке мизансцен, выстроенных фантазией моей дорогой, усопшей подруги. Поющие с поющими, танцующие с танцующими, читающие или играющие на музыкальных инструментах стояли своим отдельны кружком.

– Да вроде бы всё на местах.

– Что-либо ещё? Ничего необычного не замечаете? Нет? Что ж, это дает нам возможность исключить версию ограбления. Возможно, конечно же, кто-то и вошел в дом. Ваша мать на шум спустилась вниз. Судя по расположению палки, возможно, она замахнулась на него, но потеряла равновесие и упала. Но. Тогда бы она упала назад. Возможно также, что злоумышленник пытался выхватить у неё палку, потянул на себя, и тогда она упала вперед, лицом вниз. Возможно. Всё возможно. – Она повертела в ручку, потрогала чистые бланки протоколов, как бы проверяя, всё ли из ее хозяйства на месте, и продолжила. – Но. Данная версия, мне лично, представляется маловероятным, так как злоумышленники такого уровня вряд ли приходят с утра, пока помощница по хозяйству выходит в магазин. Если их целью была коллекция «кружевниц», то им понадобилось бы время упаковать ее. Разбитый фарфор никому не интересен. Так или иначе, до полного заключения патологоанатома мы не сможем закрыть следствие, и потому, я попрошу всех далеко не уезжать до его окончания.

– Вы хотите сказать, что подозреваемые – это мы? – на правах старшего Игорь всегда говорил первым.

– Я хочу сказать, что основа дознания, его, так сказать, три кита – это три ответа на три вопроса: Первый – вследствие чего наступила смерть? Второй – кому она выгодна? И третий – у кого из тех, кому она выгодна, нет алиби? Чем скорее **МЫ** найдем ответы на эти вопросы, тем скорее **ВЫ** сможете похоронить вашу, я уверена, горячо любимую маму.

– Так всё-таки мы подозреваемые, – не унимался Игорь. Ведь, в какой-то степени, нам всем выгодна эта смерть.

– Обратите внимание, не я это сказала.

Беленькая взяла со стола один из паспортов и начала заполнять свои бумаги.

Полина, Павел и Петр тихим хором зашипели на старшего брата.

– А что вы мне рот затыкаете, – Игорь снова сделал попытку встать, – чем меньше у госпожи следовательницы будет вопросов, тем скорее все это закончится. Да, у нас у всех есть причины, скажем так, не сильно любить нашу маму. У нас у всех есть финансовые проблемы. Да, мать никогда нам не помогала. Всегда сидела на дедовом наследстве, как собака на сене.

– Игорь, как тебе не стыдно! – вступилась я за подругу, – тебя послушать, так она вас голодом морила, а на самом деле делала только добро. Чужими деньгами куда как легче рисковать. Сколько ты этих бизнесов начинал и сколько прова-

лил? А? У тебя деньги, как вода в песок. Про Пашку, так я, вообще помолчу.

– А тебя, тетя Валя, не спрашивают, – взорвался наш старшенький.

– Не истери, – Петр холодно смотрел в глаза Игорю, – не время и не место.

– Кстати, про алиби, – не унимался Игорь, – у тебя, тетя Валя, оно есть?

– Есть, – я выпалила это «есть» и вдруг поняла, что прозвучало оно не очень убедительно.

– Игорь Анатольевич, про какое алиби может в настоящий момент идти разговор, если мы даже точного времени смерти не знаем. А вам, – следачка обернулась ко мне, – я бы посоветовала найти чек на кефир и что вы там ещё покупали. Как вы сказали? У станции? Современные кассовые аппараты время покупки пробивают автоматически.

– Вот именно, – опять вскипел Игорь, – тебя наняли за мамой присматривать, а ты ее одну дома оставила.

– И вам, Игорь Анатольевич, я тоже посоветовала бы найти билет, по которому вы сюда приехали. Там тоже должно быть указано время его продажи.

– Я была дома в Москве, – вступила в разговор до того молчавшая Полина, – моя домработница может подтвердить. Я всегда дома нахожусь, когда она приходит. Никуда не отлучаюсь.

Все пропустили её фразу мимо ушей.

– Чудно. Вы же сказали, что остальных детей на момент смерти рядом с дачей не было, – удивилась Верочка, —так зачем всю эту бюрократию разводить?

– И не говорите, – птица-Валентина согласилась с ней, – она нас еще минут сорок мучила вопросами-ответами и их записями, после чего собрала бумаги и с видом человека, выполнившего свой долг, вышла из комнаты.

Бандит спохватился, что кто-то чужой в двери, и, не разобравшись, куда идет, в дом или из него, выскочил из своего укрытия и, весело лая, попытался проводить «гостью» до калитки, но я строго так позвала его назад. Он ещё раз, для порядку, гавкнул и повернул в сторону дома.

«Дети» как-то сразу засобирались. Даже от чая с блинчиками отказались.

– И тут, должна вам признаться, я испугалась. Ладно, Агашка померла – естественный переход. Все там будем. Все в одну сторону идем, никому еще не удалось в обратную прогуляться. С ней всё понятно. А как тем-то, кто в этой жизни остался?

Посмотрела я на детей. Игорь снова в телефон полез. Петька с Павлушей как будто и не прекращали своего разговора. По всему видно, меж собой редко общаются, а когда встречаются – всё же близнецы, – есть у них, о чём поговорить.

– А со мной что теперь будет? Дом будете продавать, да?

– Не волнуйся, тетя Валя. Пока следствие, пока похоро-

ны... Потом всё равно шесть месяцев ждать до вступления в права наследования. Ещё неизвестно, – Петр хохотнул, – может эта чертова перечница, чтобы всем нам насолить, тебе дом отписала.

– Кстати, нотариус Борис Исаакович вчера говорил, что она там опять что-то в завещании изменила. Прошляпили мы наше наследство. Ой, нутром чувствую, прошляпили. Надо было её ещё когда недееспособной объявить и опеку оформить, а мы все тянули. Вот и дотянули, – не унимался Игорь.

– Между прочим, – Полина перестала плести косички из бахромы и, как бы вернулась в реальность, – следачка спрашивала все ли на местах. А где фигурки Морского Волка и Чертовой Перечницы?

Она встала и подошла ближе к витрине.

– Поленька, – я даже приобняла её за плечи, – так они же, солонка с перечницей, никогда в витрине и не стояли. Мы ими всё время пользовались. Они там, на кухне, на столе стоят.

Я опрометью метнулась на кухню. Еще чего! Уже начали недостающее искать. А ведь больше некого заподозрить... Я к столу как подскочила. У нас там корзиночка стояла с салфетками и с солью-перцем. Морской Волк был там, как всегда, а чуть ли не столетней его партнерши след простыл.

– Вот, – я протянула солонку Полине. А перечницы нету. Куда девалась – не пойму.

Полина вертела в руках с детства знакомую фигурку, будто видела её впервые.

– Я когда маленькой была, не понимала, почему соль насыпали в мальчика, а перец – в девочку. Ведь соль – женского рода, а перец – мужского. Это уже потом до меня дошла метафора про просоленного моряка и про чертову перечницу. Какие же мы, всё-таки, дураки были...

И она горько расплакалась.

«Работяга» во сне всхрапнул, полупроснулся от собственного храпа, и, не открывая глаз, как ребенок, почмокал губам.

– Спи, спи, дружок, – Жар-птица заботливо поправила на нём съехавшую кепочку.

Она снова посмотрела в окно.

– Не знаете, до Сергиева Посада со всеми остановками идет?

– Со всеми, со всеми, – заверила её Верочка.

– Да, – подхватила птичья подруга, вы уж нам дорасскажите. Чем дело-то закончилось? А то у вас теперь и смерть неожиданная и пропажа. Прямо, готовый детектив. Вы нас совсем заинтриговали.

– Ну что рассказать. Если честно, так эти дни у нас с Бандитом самые приятные были, – она вскинула руки за голову, как бы потянулась в удовольствии. Поправила узел красоч-

ного шелкового шарфа, – у пса, так точно. Он теперь опять со мной спит. Агата не то, что брезговала, но считала, что у каждой твари должно быть своё место и потому собаку к себе близко не подпускала.

«Валентина», – голос Жар-птицы спустился на регистр, и она сказала почти басом, как бы подражая, голосу хозяйки. – Так она строго ко мне обращалась, когда выговаривала за провинности: «Валентина, не позволяй псу лизать тебе лицо. Он же с земли всякую заразу подобрать может».

– Агатик, – протестовала я, – разве ты не знаешь, что у кошек и собак слюна обладает антисептическим свойством. Ты когда-нибудь видела собак с гнойными ранами? Они же себе все болячки зализывают.

– Фу, гадость какая! Даже думать об этом не хочу. И вообще. Твой Бандит слишком вертлявый. Вечно под ногами крутится. Не знаю, что на меня нашло, когда я согласилась на то, что ты со мной жить будешь, да еще и пса привезешь.

– Он тебя не объедает. На свои деньги его кормлю, – напоминала я ей.

– Да не в объедках дело. А в том, что в нашем возрасте это лишнее мельтешение под ногами очень опасно. А его нельзя во дворе, в будке на привязи держать?

– Совсем дура, что ли? – возмутилась я, – себя на привязи держи. Злая ты, Агаша, хуже собаки.

Какое-то время мы ходили обиженные друг на друга, а потом, как-то незаметно мирились, и дела снова шли своим че-

редом. Я предпочитала не держать зла, а Агате и держать было нечего. Она уже к вечеру не помнила, что было утром.

Вот только телевизор плохо влиял на Агату Матвеевну. Она слишком возбуждалась от всех этих дебатов и напастей, которые вот-вот должны были обрушиться на головы россиян. Настроение у неё портилось, и уровень, как теперь говорят, «толерантности» – слово какое-то странное, резко падал. Агата чертыхалась и плевала в экран, как только показывали кого-нибудь из иностранных политиков. Обзывала всех враждебными элементами. Поначалу я пыталась увещевать подругу, напоминала про её отца, про Матвея Егоровича, погибшего с тем самым клеймом, но старая карга принципиально не хотела видеть неприятного сходства.

В такие вечера, чтобы разрядить ситуацию, я доставала очередной детектив и начинала читать вслух. У меня хорошо получалось. Агата в молодости любила развлечения, и моё чтение вслух, она сама говорила, напоминало ей радиопередачи «Театр у микрофона».

– Да, рассказчица вы хоть куда, – похвалила её Ирочка, – и все же, чем дело-то кончилось?

Жар-птица игриво покачала головой.

– Вам какую версию: длинную или покороче?

– Нам так, чтобы до Сергиева Посада хватило, – дружно ответили пассажирки.

– Хорошо. Постараюсь. За пару недель до смерти Агаты Бандит не то чтобы приболел, но стал часто чихать, хотя ел

хорошо и температуры не было. Я заволновалась, хотела даже к ветеринару его свозить. Но ехать надо было в Москву, с пересадками, да и оставлять Агату надолго без присмотра не полагалось «по контракту». Теперь же любимый пёсик, солнышко мое ясное, спал у меня под боком, сладко свернувшись калачиком. Посапывал. Прямо, как этот. Она кивнула в сторону работяги и хихикнула. Но этого я к себе в постель не пустила бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.